

Комм. правда 1984, 4 янв, №3

«Х удожник должен быть, — писал Перов, — поэт, мечтатель, а главное, неуспынный труженик»...

Самого Перова называли поэтом скорби, мечтателем не называл никто. Его музе, как и «Музе мести и печали» его современника Некрасова, была родной сестрой та девушка, которую били кнутом на Сенной.

Он сразу же выступил гневным обличителем полицейского самоуправства, растленности духовенства, чиновничьего разбоя царской России. Зримо показал обществу всевластного Держиморду, взяточника и пропойцу («Приезд станového на следствие»), и будущую хищную канцелярскую крысу («Первый чин. Сын дядьки, произведенный в коллежские регистраторы»). Портреты примеряет на сыне дядьки фрак, а тот уже занесен в вознесения, ему мерещится необъятное «поле» канцелярских угодов, с которого он готов собирать урожай. Перед нами герой суково-кобылинских драм, раб и гений империи.

«Сельский крестный ход» был снят с выставки и запрещен. Беспорядное пьянство и обжорство духовенства высмеял художник и в картинах «Монастырская трапеза» и «Чаепитие в Мытищах», где с подлинным отвращением показан лоснящийся от жира монах, заехавший в Мытищи полакомиться чайком родниковой водицы и прогоняющий от себя калеку-солдата.

С ненавистью бьет своей кистью Перов и по мурлу купца. Купеческая среда надвигается на бедную губернантку («Приезд губернантки в купеческий дом»), и нам искренне жаль эту хрупкую девушку, которую пригнала сюда нужда. Оценивающие смотрит хозяин дома: что куплено? Его плотная, запахнувшаяся фигура — «хозяина жизни» — излучает нахальную уверенность, тупо-квадратное лицо тшится быть величественным. А рядом колышутся и другие гоговские, вислоухие, неуклюжие, дивящиеся лица. Жиром, глупостью и

ДОБРАЯ, ГНЕВНАЯ КИСТЬ

Сегодня исполняется 150 лет со дня рождения В. Г. Перова

ЭТЮДЫ О ШЕДЕВРАХ

похотью лоснится рожа достойного наследника главы дома, сына-придурка, нагло взглядывающего на девушку... Дикое царство всколыхнулось и поглотило ее.

О портрете купца Камынина художник М. В. Нестеров сказал, что он вметил в себя «почти весь круг героев Островского». С благообразно расчесанной головой, с кустистой бородой, удостоенный золотой медали, он недоволен и неудобно сидит в кресле, чтобы судить вас, не слушая возражений и пояснений, да требовать отчета: почему все вокруг не то и не так.

«...Кто не слеп и не глух, — говорил Стасов, — почувствует в этих картинах едкое жало».

Это едкое жало было направлено в защиту сырых и беззащитных. Прежде всего крестьян.

Мы часто видим их на картинах художника, который был дружен с ними с юности. Перова привлекали «характер и нравственная жизнь народа». И больно ранили бесправие, рабство, нищета русских людей. Одна из первых картин — «Проповедь в селе» — показывает, как заинтересован художник в жизни, как горячо откликается на нее. Проповедует священник, сладко дремлет помещик, флиртует помещица, масса мелких действий совершается, но самое впечатляющее — реакция крестьян, не слушающих проповедь, но обращающих все свое внимание к чиновнику, который объявит указ об «освобождении».

...Из чащи волос сумрачно-недоверчиво и настороженно-скептически смотрит крестья-

нин «Фомушка-сыч», взор его находили жутким. Перов отметил, как отозвались Фомушки-сычи на «волю» 1861 года: «Молча идет он (народ. — В. Л.) с каким-то недоумением, молча расходится по домам».

Но, конечно же, самая высокая и горькая правда о крестьянской жизни — «Проводы покойника». Горе едет в санях. Понурилась лошадь, нахихлились ребятишки у гроба, горестна и безотраднa спина вдовы. Небо заволокло тяжелыми стелыми тучами. «Перов, — писал Стасов, — дал полную покинутость и одиночество крестьянской семьи в ее горе».

Эта покинутость, пожалуй, главный мотив в «крестьянских» картинах художника.

Покинутость — как скользящее проклятие, как безысходность... Тускло-красноватый свет в окнах кабака — отблески судорожного веселья («Последний кабак у заставы»). Крестьяне завернули в кабак по дороге домой. А дорога уводит словно на край света, но из неволи в неволю. И путь открыт, да свернуть с него невозможно. Мрачно-значительные столбы заставы, увенчанные двуглавыми орлами, предостерегают. Холод. Снег. Пустота. Как заколдованная — сиротливая фигурка в санях — мы чувствуем терпеливый, ожидающий взгляд женщины. И ощущаем полную затерянность и потерянность этого мира.

Людское горе, людскую нужду запечатлел художник во многих своих картинах. Есть в них одна особенность. Он показывает нам «горе

спин». И тем оно безутешнее. Лицом человек борется — спина не имеет маски. Глядя на спину вдовы в «Проводах покойника», замечал современник, «сердце сжимается, хочется плакать». Кажется, вся печаль мира собралась в осеннем кладбищенском углу («Старики — родители», картину связывали с романом И. С. Тургенева «Отцы и дети») и осела на согбенных спинах стариков (Базаровых)...

С особенной болью рассказывал Перов о детях. Нам и сейчас представляется, что вечно будут бежать, волоча за собой огромную обледевшую бочку с водой, трое детей в оборванной одежде («Тройка»). В «Мальчике-мастеровом, засмотревшемся на попугая» мы видим подмастерье, несущего обед и заставшего у окна (велико искушение!), где диво заморское — попугай в клетке.

Об униженных и оскорбленных всю свою жизнь думал Перов. Ему близки были имена Белинского и Герцена, Добролюбова и Чернышевского, начертанные на знамени народно-освободительного движения. И потому в конце жизни все более стала интересовать его бунтующая крестьянская масса. Пока что со спокойным любопытством смотрят мужики (но уже и прислушиваются) на плененного молодого революционера, студента, хридного в народ, — «ястреба с перепиленным крылом» («Отпетый»). В «Споре о вере» наше внимание привлекает умное, воинствующее, с симпатией нарисованное лицо студента, спорящего с монахом (тут же показывает художник и прислу-

шивающегося крестьянина). Перов размышлял о движениях масс народа — пытался написать картину о Пугачеве, интересовался восстанием Разина, узнавал о расколе XVII—XVIII вв., о борьбе Руси с Ордой.

Создавая и утверждая жанр социальной сатиры, художник как бы противопоставлял мраку окружающей действительности людей, возносящих факел духовной жизни. Четыре года были отданы портретам. Достоевский сказал о Перове-портретисте: «Угадывает главную мысль лица». Перов живописал человека как бы на острие его собственной жизни.

Достоевский на портрете обычен и космичен. Загнанный в угол кредиторами — и «целая эпоха». Человек, в свое время приговоренный к смертной казни расстрелянием» и пожизненно — к мучительной «пристальной» мысли. Отединившийся от мира, чтобы резко к нему приблизиться. В те дни писатель ни с кем не хотел видеться, сидел, запершись в кабинете. Он писал «Бесов». Человек-со-весть, человек — страдальца, истощенный самоанализом и способный бесстрашно погружаться в такие глубины своего и чужого страдания, что оторопь берет. Страшно его тихое раздумье, оно ужаснее надрывно-беспомощного крика на всю планету. Перед нами, как свидетельствует жена писателя, «минута творчества Достоевского». Его темный взгляд прожигает пелену со-

бытий и устремляется к огоньку истины.

...Из массивного домашнего академического кресла светло и благостно, даже, пожалуй, с каким-то далеким-далеким любопытством смотрит на нас худой длиннорылый старец, «сборщик слов» Владимир Иванович Даль. Русский датчанин. Друг Пушкина. Он производит впечатление аскета и ведуна, человека, отрешенного от многого светного во имя цели. Мы знаем эту цель — четырехтомный «Толковый словарь», который Владимир Ильич Ленин называл «великолепной вещью». Трезво, не тревожась, не огорчась, окидывает взором Даль свой путь и видит, что достиг он гармонии. Жизнь его сложилась в совершенное здание. Он стремился и создал.

Этим людям радовался Перов, как радовался Гоголю, Толстому, Некрасову. Хотел, чтобы и его ученики следовали тем же путем. Особо опекал — и деньгами, и советом — самых бедных. У него самого ученичество было тяжелое. Даже фамилию он, незаконнорожденный, получил от сельского дядьки, который, подивившись красоте и чистоте его письма, произнес озадаченно-восхищенно: «Да ты Перов!» А когда в Училище живописи и ваяния нищета заела, дошел до такой крайности, что хотел было все бросить и податься в учителя рисования.

Впоследствии он изобразил свое несостоявшееся будущее в «Учителе рисования»: то-скликий человек, каждодневно и тупо, бесконечно и беспрерывно, натаскивает недорослей, учит рисовать носы и глаза, глаза и носы. Смирившийся, привыкший безрадостно существовать. Перова приютил тогда и обогрел преподаватель Егор Яковлевич Васильев. И вот, сам став преподавателем училища, Перов, полный «чистоты и радости», словно отдавая свой долг внимания и добра. Его беседы с учениками производили такое впечатление, что «в душе их загоралась новая вера и в искусство, и в самого себя»...

В. ЛИПАТОВ.